

Стилана, Матчинского сельсовета, бывший кандидат партии. «Если нам дадут теперь оружие, — мы повернем его против партии и правительства»⁴³.

Это уже огоньки того пламени, которое вспыхнет через пять лет, когда люди будут встречать хлебом-солью наступающие немецкие войска, солдаты Красной Армии — массами сдаваться в плен, а десятки тысяч людей — идти добровольцами в антикоммунистические воинские формирования, в армию Власова; пламени, которое будет затоптано сапогами эсэсовских зондеркоманд.

И со страхом и ненавистью озираясь на эти огоньки, строчит секретарь райкома свои доносы и проскрипционные списки, не думая, что уже через десять лет будут их с омерзением читать свободные люди в свободной стране.

9. ОДИН ДЕНЬ ДЕНИСА ИВАНОВИЧА

А каков номенклатурщик сегодня?

Архивы еще не раскрыты, мемуаров о нем нет. Но будет обидно, если читатели, не сошрикасавшиеся с советским номенклатурщиком, так и не почувствуют, каков он в жизни. Вот почему в завершение этой главы я позволю себе некоторую научную вольность: набросаю портрет сегодняшнего номенклатурщика, чтобы в этой работе не только была теоретическая схема класса номенклатуры, но мелькнули бы в ней краски жизни.

Александр Солженицын описал день Ивана Денисовича Шухова — заключенного в советском лагере. Нобелевский лауреат на своем опыте испытал такие дни, проведя ряд лет среди Иванов Денисовичей.

У меня другой опыт. Я постараюсь описать здесь один день из жизни прямой противоположности солженицынского героя — заведующего сектором ЦК КПСС, скажем, Дениса Ивановича со звучной украинской фамилией Вокуш (при Хрущеве и Брежневе в центральный партаппарат перебралось немало украинских товарищей, которые славятся своей ортодоксальностью). Вокуша я выдумал, а остальное здесь все будет из жизни.

...Не звук удара молотком о рельс у штабного барака, а мелодичный звон привезенного из недавней командировки в Швейцарию будильника прервет сладостный сон Дениса Ивановича. И снилось ему приятное: секретарь ЦК на большом совещании в своем кабинете, игнорируя всех остальных, все время обращался к нему и спрашивал:

его советов, а потом вдруг подал ему руку, усадил за свой стол и сам исчез, растворился в воздухе. Все коллеги почтительно встали и приготовились выполнять его, Дениса Ивановича, указания.

Вохуш топает в ванную в своей светло-голубой пижаме: недорого купил в Prix-unis в Париже, а полосатых не любит, особенно сине-белых, — напоминают одежду зэка в колониях особого режима. Вот все как будто хорошо в доме, а санузел совмещенный: права жена, надо снова поменять квартиру. Нужно будет зайти в Управление делами ЦК, поговорить там об этом.

Пока жена накрывает на стол, Денис Иванович делает короткую физзарядку с упором на мышцы живота: растет проклятый — и душ Шарко, и массаж делают ему в кремлевской поликлинике, а не помогает. Не голодать же, в самом деле...

Поплескавшись под душем и побрившись, идет, благоухающий импортным лосьоном, в столовую. Завтрак легкий: немного икры, ветчина, яйцо всмятку, чай. Жаль, нельзя коньячку! Это вечером. А наедаться не надо: скоро уже второй завтрак.

Точно в 8.35 Денис Иванович выходит из массивной двери своей квартиры. К этому времени за ним приезжает цековская машина — по пусть лучше водитель подождет одну минуту, пока он будет спускаться в лифте, чем коллеги-соседи увидят, что Вохуш ждет машину около подъезда: это ему не к лицу. Машина уже у двери. Водитель демократично не выходит из автомобиля, Вохуш сам открывает дверцу (так делают даже секретари ЦК!) и, с удовольствием усевшись на пружиняющее сиденье рядом с шофером, так же демократично заговорит. Заговорит о том, что вот, бывало, в молодости, в Донбассе, пока бежишь до завода на работу, две цигарки выкуришь, а теперь жена не позволяет; на самом деле он никогда не работал на заводе, а курить перестал сам, прочитав в газете «Неделя», что от курения может быть рак легких.

И плывет перед Вохушем Москва: Кутузовский проспект, Москва-река, Садовое кольцо, Калининский проспект, Кремлевская стена, Манеж, центральные гостилицы, Большой театр, памятник первопечатнику, черная фигура Дзержинского, здание КГБ («соседи!» — с теплотой думает он). А за Политехническим музеем и памятником героям Плевны слева начинается бульвар, а справа — солидные и тяжеловесные двери здания ЦК. Приехали!

В подъезде офицер КГБ вежливо, но внимательно

смотрит его пропуск — бордовую кожаную книжечку. Это не обидно: не недоверие, а порядок. Впрочем, заведующих отделами пропускают, не глядя в книжечку и коротко приложив руку к козырьку, а секретаря ЦК приветствуют по стойке «смирно».

Один за другим входят в дверь и другие сотрудники. И станет Вохуш перекидываться с такими же, как он, солидными сытыми коллегами дружелюбными, но короткими приветствиями (товарищеская любезность — да, интеллигентское слюнтяйство — нет!).

С глубоко скрытой завистью поглядев на лифт для начальства (ключ от него — только у завотделами и, конечно, у секретаря ЦК), поднимается Денис Иванович в бесшумно скользящем общем лифте в свой кабинет.

Приятно: тихо; на столике слева — кремлевская «вертушка»; откроешь средний ящик стола — там номерная красная книжечка: список абонентов правительенной телефонной связи. Теоретически можно даже, набравшись смелости, позвонить Генеральному — и услышать его лепивый низкий голос.

Ну, Генеральному он звонить не будет — это мальчишеская мысль. А вот одному из его помощников придется звонить — и, ох, как не хочется! Потому что дело глупое.

Вчера утром первый замзав отделом подписал бумагу наверх о направлении делегации в Италию. Делегация хорошая: два кандидата в члены ЦК, один член Центральной ревизионной комиссии, депутаты Верховного Совета. Первый, как всегда, тщательно проверил все визы, нашел все в порядке и сказал, подписывая: «Такую делегацию можно было и Генеральному на голосование послать». Тут он, Вохуш, вспыхнул, желая отличиться, позвонил приятелю в Общий отдел: направляем, мол, бумагу о делегации, есть мнение руководства отдела представить ее на голосование Генеральному. А первый зам о своих словах не забыл — видно, испугался, и, встретив его, уже уходя, около лифта, сказал: «Тут мы с тобой твою делегацию хвалили и чуть ли не Генеральному собирались посыпать. Ты, конечно, понял, что я пошутил?» Вохуш пробормотал что-то невнятное, а Первый, как всегда деловито, вошел в лифт. Вохуш бросился в свой кабинет звонить приятелю в Общий отдел — а тот уже уехал. Позвонил в спецсектор Общего отдела — там ответили, что бумага уже два часа как в секретариате Генерального.

И сегодня надо звонить с утра. Ну, не с самого, а то заподозрят, что он, Вохуш, в чем-то виноват, но и не тянуть. А то вдруг Генеральный бумагу посмотрит и всыплит, как с ним бывает. «Это что же,— скажет,— вы мне теперь все бумажки будете таскать? О путевке в дом отдыха для уборщицы тоже? Это кто же такой умник нашелся?» Подумать страшно: ведь сразу же отыщут.

Но и самому на себя не навести. У кого там может быть бумага? Хоть дело международное, но для Генерального — мелкое. Так что помощнику, Андрею Михайловичу, звонить не станет: бумага не у него, да он и въедливый мужик, сразу заподозрит, что Вохуш дал промах. Лучше позвонить этому счастливчику — референту. Ведь бывает же — повезло парню: был себе референтиком по Норвегии в Международном отделе, и вдруг взяли наверх. Теперь даже в коммюнике о переговорах и на фотографиях на первой странице «Правды» появляется: «Референт Генерального секретаря». Конечно, бумажки в папке носит со стола на стол, — да ведь от иной из тех бумажек мир качается.

Звонить потом, а пока — всё по заведенному порядку. Прежде всего прочитать газету. Сначала «Правду». Передовая о подготовке к севу. Ну, это по части Сельскохозяйственного отдела, читать не нужно. Только привычным взглядом проконтролировать, есть ли дежурная цитата Генерального. До сих пор не может забыть, как в октябре 1964 года он — тогда еще не завсектором — вот так в «Правде» и нашел подтверждение невнятного слуха о том, что происходит в Президиуме ЦК: в газете вдруг исчезло имя Хрущева. Но сейчас все нормально, цитата есть. Указы о награждениях: академики-юбиляры и какие-то монтажники, никого из аппарата нет. Есть ли что-нибудь на последней странице в «Хронике»? Назначение нового посла в Республику Чад, прежний освобожден в связи с переходом на другую работу. Ишь, как медленно работает Президиум Верховного Совета: ведь решение состоялось еще три месяца назад, а агрeman африканцы дают быстро.

Теперь вторая страница — «Партийная жизнь». Пленум Кустанайского обкома. И здесь, конечно, о подготовке к севу, так что посмотреть надо только два заключительных абзаца: не рассматривались ли оргвопросы и не присутствовал ли кто-либо из руководства. Нет, все спокойно, просто говорится, что с речью на пленуме выступил первый секретарь обкома.

А вот теоретический подвал «Партия — руководящая и направляющая сила советского общества» надо прочитать внимательно: здесь могут быть интересные нюансы и формулировки, — ведь спроста «Правда» статью не напечатает. Но тема спокойная: в критические моменты дается редакционная статья на тему «Единство партии и народа», а тут ясно, что такое единство налицо и идти надо вперед — к дальнейшему укреплению руководящей роли партии.

Третья страница — международная информация. «Успехи сил мира», «Народы протестуют», «Сделать разрядку необратимой», «Главарь ультра Штраус» — это все ясно. Американский сенатор потребовал вывода войск США из Европы. А что это хлопцы из Международного отдела не возьмут такого в Брюссельский комитет за европейскую безопасность? Полезный был бы реалистический политик.

Нейтральный заголовок «Пресс-конференция Рейгана»: тут ничего не поймешь, из конкретного только в конце вскользь помянуто, что президент высказался в поддержку притязаний израильской военщины. Ну, что в действительности сказал Рейган, прочитаем сейчас в «Вестнике ТАСС».

Внизу страницы в правом углу, как всегда, о происках китайцев: арабская газета сообщает о тайном сговоре Пекина с чилийской хунтой и с израильскими сионистами. Эх, переборщила служба дезинформации: ну зачем Пекину сионисты? Ведь в Китае ни одного еврея небось нет. Впрочем, может быть, хлопцы и правы: народ поверит, газета ведь не наша, арабская. По внутреннему телефону — бывшему К-б — звонит секретарша первого замзава отделом: «Денис Иванович, зайдите к Ивану Петровичу по поводу делегации в Италию».

Вохуш ей отвечает спокойно, а у самого — ком в горле. Неужели разразился скандал? Ои, дурень, тут благодушенствует, газетки читает, а тем временем, может, один из помов Генерального позвонил Первому да отчитал его, и тот сейчас рвет и мечет. Как оправдаться? Каким богам молиться, чтобы не случилось этого несчастья?

Бежит Вохуш к двери как ошпаренный — а по коридору надо будет идти спокойно и уверенно, чтобы никто из встречных не заметил, что у него что-то не так. Ведь вот люди — как будто товарищи, вместе на лыжах ходим на Клязьме, а сами, как крысы: говорят, те, как увидят ослабевшую свою же крысу, так набрасываются и сжирают. И от этих другого не жди!

С невозмутимым видом заходит Денис Иванович в приемную первого зама, приветливо кивает пожилой секретарше — а сердце сжимается в комок. В такие-то минуты и завязываются узелки рака в человеке — мелькает мысль. И другая, заставляющая тут же забыть о раке: вот сейчас войду к нему, а какой он там сидит?

Но первый зам сидит спокойный. Значит, нет скандала. Какое ликование! Но не показать, не показать. Да и ответ надо дать достойный.

Деловито и уверенно — такой у него стиль — Первый сразу приступает к делу.

— Опять насчет твоей делегации. Ты сам не хотел бы с ней поехать? А то мы все берем консультантов из Международного отдела, это ведь не обязательно. Могу договориться с Загладиным, и направим от аппарата тебя.

Противоречивые чувства борются в Вохуше. Конечно, хорошо бы прокатиться в Рим, купить там опять что-нибудь, да ведь и посмотреть. Но другое, воспитанное годами пребывания в номенклатуре чувство подсказывает: нельзя соглашаться, это он испытывает, я ведь и так был недавно в Швейцарии. Третья мысль: а если он действительно хочет меня послать, чтобы я по его заказу привез ему из Италии? Эта мысль сразу отбрасывается; любой из членов делегации будет рад оказать услугу первому заму; а если уж он захочет, чтобы я ехал, так настоит на своем.

И Вохуш говорит:

— Нет, увольте, Иван Петрович! В секторе работы невпроворот, обедать некогда, не то что в Италию ехать. Да и не любитель я по заграницам ездить — разве уж когда очень нужно...

И ждет: скажет Первый, что вот сейчас как раз очень нужно, — значит, лично заинтересован.

Но Первый говорит:

— Ну, как знаешь. Конечно, работа в отделе — самое важное. — И милостиво шутит: — Вот хотел укрепить тобой делегацию, да ты сопротивляешься.

Идет к себе Вохуш по светло-розовой с зеленою каймой дорожке в коридор довольный: правильно сориентировался. Так держать, Денис! Подумаешь, 10 дней в Италии! Не в этом же задача. Освобождается место одного из замов: вот если бы Первый поддержал его кандидатуру, может и получиться.

И гложет соблазнительная мысль: может, правильно

заслал проект решения Секретариата о выезде делегации Генеральному? Делегация хорошая, он подпишет — а тогда можно будет распустить по отделу слух, что, мол, доволен, хвалил. Вот тут-то обрадованный первый зам и может поддержать перед Секретариатом ЦК его, Вохуша, кандидатуру, и вдруг он — замзав!

Нет, это подумать — замзав! Большой кабинет, секретарша, не «Волга» с автобазы ЦК, а персональная, с шофером, не пансионат на Клязьме, а госдача, да ведь и деньги, и «кремлевка» больше. Но главное — власть: замзав... несколько секторов в твоем ведении, каждый день — у секретаря ЦК, часто присутствовать на заседаниях Секретариата — примелькаться там, стать привычным, своим... Да и как не свой: замзав — это вершина номенклатуры Секретариата; следующая ступень — первый зам — уже номенклатура Политбюро. Так рискнуть — не отзывать бумагу? Смелость города берет!

Но привычная, ставшая второй натурой осторожность одергивает: смелый бросок нужен, когда вышел на цель, а это так, косвенно, это авантюра. Подпишет Генеральный — еще не гарантия, что выдвинут в замы, а будет неприятность — гарантия, что не выдвинут. Да и запомнят навеки, что ошибся. Отзывать надо бумагу и без промедления!

Как перед каждым разговором с высоким начальством, Вохуш набрасывает карандашом, что именно надо сказать. Тут ведь каждое слово должно быть взвешено. А главное — решительность. Не колебаться по-интеллигентски, а сказать твердо, по-партийному, но уважительно. И, конечно, чтобы все пронизывало глубокое беспокойство о времени Генерального.

Сосредоточенно и неторопливо Вохуш набирает четырехзначный вертушечный номер. В гулкой трубке высокочастотного телефона раздается бесстрастный голос референта.

Вохуш называет свою фамилию и отдел. Знает, что референт сейчас, во время разговора, будет быстро листать в своей книжечке — списке абонентов «вертушки», чтобы найти его имя-отчество и потом ввернуть их в разговоре, дабы произвести впечатление: всех, мол, знаем на память и обо всех все знаем.

— Вы извините за беспокойство,— солидно и любезно говорит Вохуш.— Но тут такое дело получилось по нашему недосмотру (самокритично; но и не сказал «по моему», а «по нашему», то есть в общем-то вина первого

зама, он же, Вохуш, как лояльный подчиненный подставляет свою голову). Мы направили вчера на голосование в ЦК проект решения о делегации в Италию, а сегодня узнаем, что товарищи из Общего отдела перестарались и прислали проект вам. Делегация, видимо, неплохая, но не такое уж это дело государственной важности, чтобы отрывать время у Генерального.

И ждет пару секунд: хорошо бы референт, молокосос этот, высказал свое мнение. Но тот лишь неопределенно говорит сухое «да», предлагая Вохушу продолжать монолог. Черт его знает, что он там думает, этот счастливчик.

— Конечно, это на ваше усмотрение,— старается польстить Вохуш.— Но мы так подумали: может, не утруждать? Может, вы направите секретарям?

Всячески хочет Вохуш подчеркнуть, что для него Генеральный — не секретарь ЦК, а нечто высшее.

— Да, письмо ваше у меня лежит,— говорит референт и спрашивает:— Ну, так что, Денис Иванович (посмотрел список!), докладывать бумагу или вернуть в Общий отдел?

Вежлив (так теперь положено), а ответственности на себя не берет никакого и другим секретарям в обход Общего отдела пересыпалть не хочет. Значит, лучше не связываться. И Вохуш говорит в тон референту:

— Да, думаю, лучше вернуть.

— Хорошо,— бесстрастно отвечает тот.

Ну, дело сделано. Конечно, сморщат носы в Общем отделе, но скандала не будет. А приятеля из Общего отдела пригласить к себе, напоить хорошенъко, коньяка французского для этого раздобыть, он и отойдет,— ничего же не случилось.

В кабинет Вохуша входит бесцветная, некрасивая девица с папкой тассовской информации. Всех их сюда подбирают таких, чтобы не было разврата в аппарате. «И правильно! — думает Денис Иванович, коротко взглянув на вошедшую.— Здесь не место. Для этого у высшего начальства есть балерины. А ему, Вохушу, они еще не положены. Его дело — оберегать советскую семью».

И потом: никакими персональными делами не интересуется парторганизация так, как делами по женской части, и обсасывает их в подробностях. Один его институтский однокурсник, помнится, громогласно шутил над этим: «Любопытны, как монахи на женском пляже». Этого острого слова он — тогда секретарь парткома института — выгнал весной 1949 года, во время борьбы с космополитизмом, и нигде работы этому интеллигентику не дали. Так он вы-

нужден был в Среднюю Азию уехать. Правда, оказалось, у него сердце было больное, там тем же летом в жару он умер от инфаркта. Еще его мать тогда пришла в партком, расплакалась, кричит: «Убийцы!» Хорошо, зам по организационным вопросам выручил; хороший был дядька, бывший чекист, Саша Негодяев. Так он спросил эту старуху — тихим таким голоском: «Я вас правильно понял, гражданка, что это вы партком так назвали?» Она сразу притихла и ушла. Думали еще потом: сообщать о ней органам? Саша был «за», но он, Вохуш, почувствовал, что члены парткома этого не поймут, и отговорил: все-таки мать.

И вовсе он, Вохуш, не монах, только приходится рисковать. Тут одного молодого кандидата наук послали стажером в Прагу, а на жену решения о выезде не сделали: неважная птица кандидат, и так простажируется.

А ей очень хотелось в Прагу. Каким-то образом она узнала, что от него, Вохуша, зависит, направить ее дело в Комиссию по выездам или не дать хода. Да он, впрочем, и сам ей намекнул на это, когда она пришла — робкая и взволнованная, с серыми глазами, в облегающем стройное тело платье, с бирюзовым ожерельем на груди. Он ей и сказал тогда, что вопрос сложный — выезд за границу; ему в рабочее время некогда, а вот вечером после работы он мог бы подробнее разобраться с ее делом, только в здание ЦК ее не пустят вечером... А потом была ее однокомнатная квартира на Профсоюзной улице. И бирюзу он не снял, так и оставил голубизной на матовой смуглой коже. А что взгляд у нее был, ну, не такой — так подумаешь! Да она сама сейчас рада небось: гуляет себе по берегу Влтавы да по Староместской площади...

Проще, конечно, со своими. Вот был в цековском санатории, так такая оказалась бойкая инструкторша Воронежского обкома — какой там взгляд, только бы с ней справиться.

Да что собственно? Ведь и классики марксизма не гнушились. Был он, Вохуш, с партийной делегацией в ФРГ, заехали в Трир посетить дом-музей Карла Маркса. И только там узнал, что, оказывается, у Маркса-то была любовница и от нее — незаконный сын. Правда, не признал его классик. Было бы в наше время скандальное персональное дело, если бы Женни фон Вестфален подала на него заявление в партком! А про Энгельса прочитал недавно совсем уж непристойное: будто жил он одновременно с двумя сестрами — не то шотландками, не то ирландками. И тоже у Ленина была Инесса Арманд, хоть он и называл ее на «вы». Впрочем, он, Вохуш, не Ленин, а в этой

однокомнатной квартире тоже называл ее на «вы» — не ронять же себя!

Довольно лирики, пора дела делать. Вот только посмотреть ТАСС.

Вохуш листает дешевую сероватую бумагу вестника, а мысли уже работают над сегодняшними делами, и читаемое перекликается с обдумываемым.

Протесты в Западной Европе против запретов на профессии в ФРГ. Вот разумно! А то что такое: не назначают судьей, потому что коммунист. У нас вот иначе: некоммуниста судьей не сделают. Надо, кстати, сегодня решить дело этого беспартийного деятеля, зампреда комиссии. У нас партийцев хватает: партия — 17 миллионов.

В США, оказывается, несмотря на дискриминацию, разрешаются браки белых с неграми. Это значит, черная образина с белой. И ведь соглашаются! А чему удивляться? Если бы мы тут своих студенток в университете Лумумбы распустили, так они за африканцев и повыскакивали бы все. Это, кстати, заметить к разговору с проректором.

11 часов, открылся буфет. Пора идти на второй завтрак. Идет Вохуш по коридору удовлетворенный: обезопасил себя, разрядив проблему с делегацией. А чувствовать себя в безопасности — что может быть лучше?

В светлом, сияющем чистотой зале буфета — уже человек 15. За высоким стеклом стойки чего только не наставлено. Приходится немногого в очереди постоять: отпускают 3 буфетчицы, перед каждой — человека по 2—3. Словом, не то что в каком-нибудь гастрономе в городе. Здесь принято выбирать не торопясь да еще покупать что-нибудь для дома: фрукты или коробку шоколадных конфет (тут они хороши: «Мишки», «Ну-ка отними!» — все с детства знакомое, так и дошло от нэповских времен). Семгу или икру он сейчас брать не будет, на второй завтрак Вохуш берет молочное: простоквашу с сахаром, творог со сметаной и сахаром и противосклерозное — морскую капусту с кукурузным маслом (очень рекомендуют кремлевские врачи). И, конечно, чай с парой «Мишек»: в стакан буфетчица наливает заварку, а на маленьком столике в стороне он сам доливает себе по вкусу кипяток. Когда раз в неделю Вохуш устраивает себе разгрузочный день (живот растет, беда!), он не идет обедать в столовую, а закусывает здесь же и точно так же наливает себе кипяток в чашку с крохотным бульонным кубиком, который превращает воду в бульон с грибным вкусом и даже с блестками жира.

За завтраком видит Вохуш и нескольких сотрудников своего сектора. Здороваются со всеми дружественно, но без панибратства — таков нынешний стиль. Стиль этот обкатался, при Сталине было иначе: то по старинке изображали из себя братишек-краснофлотцев, гигиаки и хлопали друг друга по спинам, то смотрели на подчиненных чванно сверху вниз. Теперь это прорывается только у стариков, стоящих уже на пороге персональной пенсии, принято же быть солидным, обходительным, неторопливым и деловым.

В секторе он завел такой порядок: с 9 до 11 часов к нему сотрудники заходят только в случае срочных дел. Иначе и нельзя. Вот, например, сегодня: они бы один за другим сидели у него и свое рвение показывали, а как бы он мог говорить при них с референтом Генерального? Правильный порядок.

По пути в свой кабинет Вохуш, как обычно, остановится у книжного киоска — на минутку, не более, только чтобы взглянуть, нет ли каких-нибудь новых поступлений. Среди молодежи есть любители стоять там подолгу и листать книжку, но это несолидно да и производит впечатление, что человеку нечего делать. А впечатление должно быть другое: человек занят, но умело планирует свою работу и четко распределяет время. Как сформулировал Сталин: сочетание русского революционного размаха с американской деловитостью. Умница был человек!

Сейчас являются его сотрудники. Вот уже один заглядывает в дверь:

— Можно, Денис Иванович?

Вохуш приглашает его приветливым жестом. Это Швецов, недавно пришел из Академии общественных наук. Вообще-то Вохушу этот хлыщ не нравится, но отец жены — генерал-полковник в генштабе. Кто знает, кем этот хлыщ еще станет. Вохуш с ним всегда приветлив.

Швецов кладет перед ним список:

— Состав советско-болгарской комиссии биологов, из Академии наук прислали посмотреть перед тем, как президиум академии будет утверждать.

Вохуш насторожился:

— А подписанты есть?

Никак он не забудет, что, когда еще был начинающим завсектором, чуть было не утвердил список тоже такой вот комиссии, а там затесался один, который в свое время, негодяй, подписал письмо в защиту Синявского и Даниэля. Хорошо, Вохуш вовремя узнал об этом,

вычеркнул, а то какая была бы скандальная неприятность!

Швецов смеется:

— Нет, Денис Иванович, подписантов нет. А вот, правда, пара товарищей может вдруг уехать.

Понятно: в списке есть евреи.

— Кто? — коротко спрашивает Вохуш.

Швецов ставит острым карандашом едва заметные точки против двух фамилий. И фамилии-то русские: вот маскируются! Да и зятек этот хороший: ничего не сказал.

— Может, сократить или заменить? — вежливо осведомляется Вохуш. — Они уедут, кто же в комиссии будет работать?

А у самого мысль: вычеркнуть обоих евреев — опять будут болтать в академии, что-де в аппарате анти-семитизм.

Швецов только плечами пожимает:

— Академия предложила.

Подумаешь, академия! Да ее Хрущев чуть не закрыл.

Вохуш находит быстро выход:

— Одного сократить, а другого я заменил бы. Там ведь есть один биолог, фамилия — Беленький. Правда, был лысенковцем, но ведь это же не основание игнорировать ученого...

Доволен Вохуш — хорошо придумал: и еврей будет чистокровный, не подкопаешься, и не из этой сионистской компании. И благожелательно шутит:

— Помните: «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяч полюбит?»

Швецов ослабился:

— А я их что-то и беленькими не люблю!

Денис Иванович улыбается, а про себя думает: «Не любишь, а сам в списке двоих подсунул». Становясь серьезным, Вохуш говорит:

— Давайте заодно решим один назревший вопрос. Долго еще будет подвизаться в качестве заместителя председателя комиссии этот беспартийный деятель Венский?

Зятек ухмыляется:

— Беспартийный большевик!

— Это, знаете, формула старая, отдает субъективизмом (чуть не сказал «хрущевщиной», но поостерегся, лучше выражаться официально). Мне сообщали, что партийная общественность протестует и выдвигает кандидатуру секретаря парткома института биологии.

И верно: приходили к нему по очереди две партийки (одна раньше работала в органах, другая — во Всемирной Федерации профсоюзов), говорили, что биология — партийная наука и не место беспартийному в руководстве советско-болгарской комиссии. Правда, секретаря парткома они не выдвигали, а каждая хотела сама занять это место, но Вохуш решил: интеллигентика гнать, но назначить секретаря парткома, а не этих ретивых баб.

Швецов — сам в общем-то интеллигентик — мнется:

— Ведь он хороший специалист и болгарский язык знает.

— Вот потому мы его и держали на этой стадии работы комиссии, чтобы ее развернуть, — терпеливо объясняет Вохуш. — А теперь это пройденный этап, да и коммунисты жалуются. Давайте заменять.

Швецов все мнется:

— А что мы ему скажем?

Подумайте, какой совестливый. Когда на генерал-полковничью дочке женился, с которой только ленивый не жил, совесть его не мучила.

— Поговорите с секретарем парткома, найдут какие-нибудь недостатки в его работе — ведь и на солнце пятна, — уже не сдерживая раздражения, говорит Вохуш. — В крайнем случае сошлитесь на мнение партийной общественности и на то, что им недовольны болгарские товарищи: проверить он ведь не сможет. — И подбадривает: — Да вы не чувствуйте какой-то своей вины перед ним! Вы ответственный работник аппарата ЦК, а он беспартийный — не ему требовать от нас отчета.

Беда с этими родичами высокопоставленных лиц: никакой нет у них партийной закалки, обывательское мнение!

Входит напористым шагом любимица Вохуша, единственная женщина в секторе — Зинаида Ивановна. Дама серьезная, пришла из ЦК комсомола. И семья хорошая: муж — в органах. Принесла проект плана выпуска издательства «Наука».

Ну, что касается политической актуальности тематики, это в секторе издательств посмотрят, а нам посмотреть, кого они печатают. Шутливо спрашивает:

— Кто авторы? Академик Сахаров есть? А то, может, сам Солженицын?

— По разделу порнографии! — взвизгивает Зинаида. Оба смеются.

Да, нет у нас такого раздела. А вот когда он был в Стокгольме, не удержался и не без удовольствия полистал

журнальчики в киоске на Свеавеген. Напомнило инструкторшу из Воронежа: вот была бы для этих фотографов находка!

— Я тут галочками отметила семь книг,— сообщает Зинаида.— Считаю, что их надо снять с плана.

Уж Зина не пропустит, как бы лишнего не вычеркнула. План-то не редакционной подготовки, а выпуска: книги — в издательстве.

Зинаида продолжает:

— Вот, например, Лифшиц. Четвертую книгу выпускает. Зачем нам создавать дутый научный авторитет?

Резонно. Выкинуть Лифшица.

— А здесь тема безобразная: «Иконография и иконо-пластика А. С. Пушкина». Кому нужна такая тема? Попам и спекулянтам иконами?

Тоже резонно. Вычеркнуть. И при чем здесь Пушкин?

— Тут вот грубый недосмотр. Это дочь Розенгольца, приговоренного на процессе 1938 года. А фамилия — по мужу.

Ишь ты, какой смелый: женился на такой. Вычеркнуть.

— У этой вот, доктора наук, сын ездил туристом в Англию и остался.

Вот негодяй: на Родину не вернулся! Ходит себе там по Риджент-стрит, глазеет на витрины. Воспитала мамаша. Вычеркнуть.

Молодец, Зина. Ценный работник. И как она только о всех них разнюхала? Муж, что ли, закладывал список в свою электронно-вычислительную машину на Лубянке?

— Эти трое были в заключении по 17 лет,— несколько неуверенно сообщает Зинаида.

— Но ведь реабилитированы?

Зинаида вздергивает нос:

— Солженицын вот тоже был реабилитирован.

Ну, это не основание. Ведь книги набраны, в издательстве. Жаловаться начнут, заявления писать. Нельзя брать на себя за это ответственность.

— Зинаида Ивановна, вы о них посоветуйтесь с секретарями парткомов,— решает Вохуш.— Но имейте в виду: у нас мнения в этом вопросе нет. А первых четырех снимем, сообщите в сектор издательств. Мотивируем нехваткой бумаги.

Удерживать надо Зину — но и поддерживать.

На обед Вохуш ходит всегда в 13.15. До этого как раз есть время прочитать протоколы заседаний Секретариата ЦК. И погружается Денис Иванович в привычное

чтение невзрачных книг в темно-красных бумажных обложках, где каждая фраза — закон. Возвышающее душу чтение! Чувствуешь себя неотъемлемой частью этой силы, которая властно чеканит свои немногословные решения.

Ровно в 13.15 Вохуш неспешно надевает солидное шелковисто-волосистое пальто (купил в Дюссельдорфе, когда был там по приглашению ГКП: название улицы какое-то странное «Ко», а магазины на ней хороши!). С достоинством (завсектором!), но без важности (ведь не замзав отделом!) идет по блекло-розовой ковровой дорожке коридора. Спешить некуда — не голодный же, в самом деле, но и задерживаться нельзя — на обед отпущено 45 минут, и хотя, конечно, никто его официально не проверяет, Вохуш знает: именно в таких случаях и надо показать свою коммунистическую сознательность. Ни минуты рабочего времени не украдь у партии! Отдохнуть после обеда можно будет у себя в кабинете.

Идти недалеко. Вот уже и старинная церквушка — картино выглядывает рядом с новым зданием столовой ЦК. Сталин, чудак, разрушал такие церквушки. Вот гениальный был человек, а со странностями: врагов уничтожал — это понятно, а церквушки-то зачем? Лучше бы воспитывать на них народ в духе патриотизма — меньше бы власовцев было.

У стеклянной двери Вохуш показывает внимательному молодому человеку в штатском свою бордовую кожаную книжечку, вешает пальто и шляпу: здесь не украдут, все свои. И налево — к кассам. Из груды листков берет себе диетическое меню (с животом надо что-то делать, да и как-то несолидно заведующему сектором брать общее меню).

Диетический зал — на 3-м этаже. Туда Вохуш едет в тесном лифте — построили зачем-то такие маленькие. В зале светло и не шумно. Высматривая себе место — так, чтобы сесть достойно, не с каким-нибудь техническим персоналом,— Денис Иванович видит, что сидит за одним столиком погруженный в беседу заведующий Отделом культуры. Вот за соседний столик и сесть — как бы невзначай и попасться ему на глаза, поздороваться. Исcosa бросая взгляд на этого не располневшего, моложавого человека с тщательно причесанными волосами, Вохуш думает: «Сложное у него положение. Подчиненный, министр культуры,— кандидат Политбюро, как таким руководить? И не руководить нельзя, в этом руководстве — весь смысл работы отдела. Как только выкручивается?»

Сам Вохуш не любит ходить в столовую с кем-нибудь из коллег. Если все с одними и теми же — будет выглядеть как групповщина; а с разными не получается — пришлось бы всех завсекторами перебирать, не с мелкотой же ходить!

Вохуш не торопится. Сначала он пьет кумыс, потом ест морскую капусту с кукурузным маслом (все от склероза, а то начнешь, чего доброго, забывать имена-отчества руководства), морковный суп-пюре с гренками полтарелочки, паровую телятину с рисом, чернослив со сметаной и с сахаром (для пищеварения), кисель из черной смородины со сливками (витамин С!). Ест невозмутимо, а сам зорко следит за завотделом. Вот оторвался тот от разговора и стал обводить зал уверенным руководящим взглядом. Тут Вохуш ему приветливо улыбается, и зав мило斯tиво кивает. Хорошо! Может, при случае вспомнит Вохуша, когда понадобится рекомендовать кого-нибудь на руководящую работу.

Без восьми два, пора идти в отдел. Конечно, можно бы еще на несколько минут заглянуть на бульвар напротив ЦК — там любит прогуливаться после обеда первый зам — шагает своей деловитой походкой. Но ведь не знаешь, в каком он настроении: не то милостиво встретит и поговорит, а не то съязвит: «Гуляешь, дела в секторе уже все сделаны?» Лучше от греха не идти, а прямо к себе в кабинет.

Мелькает у Вохуша мысль: верно, и мои подчиненные тоже так рассуждают? И сразу приходит уверенный ответ: ну и что? Так и нужно, все правильно.

В кабинете полчаса — отдых. Нет у Вохуша комнаты отдыха — не секретарь ЦК (впрочем, тому она как раз и не нужна: ездит обедать домой и там же отдыхает в своей королевской спальне). Но сотрудники сектора догадливы и до 14.45 его не беспокоят. И дремлет Вохуш в своем жестком кресле за столом с привычной гордостью своей — «вертушкой». Если зазвонит она солидным негромким звонком — он на месте.

Она и вправду звонит. Говорит ректор Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Университет невелик, но политически важен: он для студентов из развивающихся стран и Японии, так что Хрущев еще при создании университета подписал им разрешение на «вертушку». Ректор — серьезный номенклатурный работник — не заискивает, но очаровательно любезен, и Вохуш с ним столь же любезен. Дело не только в современном стиле работы аппарата ЦК: ректор нужен, так

как хочет Вохуш мягко высадить из ЦК своего заместителя — старшего из сотрудников сектора, Шабанова, и высадить его удобнее всего на должность проректора этого университета, а без согласия ректора это не пройдет.

Отлично понимает Вохуш, почему ректор ему звонит. Дело в том, что в 15 часов к Вохушу придет проректор университета, фактически политкомиссар, ответственный за работу со студентами-иностранными. Вот ректор и хочет напомнить, что все же он, а не проректор руководит университетом. Так Вохуш окончательно убеждается в правильности своего впечатления, что существует конфликт между ректором и проректором. Значит, ректору придется плохо: не справится он с таким волкодавом, как этот проректор.

Вохуш недолюбливает проректора. Чем-то не импонирует ему, солидному и уверенному, этот наглый длинный тип, на котором костюм — кстати, потрепанный — сидит, как на корове хомут. И весь он как бы пришел из вчерашнего дня. Но есть влиятельные люди, которым этот стиль тридцатых годов нравится как воспоминание молодости. И ловок этот длинный проходимец: едва окончил самый обычный пединститут, как пристроился в партаппарат, тут же вошел в контакт с органами, и они рекомендовали его на пост секретаря парткома университета дружбы народов. Посекретарствовал пару лет и вышел в проректоры, а весь его студотдел — филиал органов. Так он и олицетворяет там, в университете, и партаппарат, и «соседей». Где ж ректору — инженеру по специальности — с таким тягаться!

С другой стороны, инженер, да не простой: был заместителем министра, связи имеет, так что и проректору не так легко будет его одолеть. В этой ситуации оба они должны понимать: все зависит от Вохуша. На чью сторону он встанет, тот и победит. А раз так, значит, оба согласятся взять в проректоры вохушевского кандидата — этого нелюбимого зама, от которого надо избавиться, пока он не успел втереться в доверие к руководству отдела. Надо только намекнуть каждому, что новый проректор будет поддерживать именно его. А длинного наглеца надо еще и припугнуть.

Все это размышление занимает у Вохуша всего пару секунд. Да так и у всех в аппарате: тому, кто на это не способен, в номенклатуре делать нечего. Здесь, в ЦК, на скрипке не играют и картин маслом не пишут, но уж в таких делах соображают безотказно.

Дверь приоткрывается, и показывается лысая голова проректора. Вохуш встречает его с холодком: надо запугать.

Сначала дать ему выговориться, чтобы он открыл все принесенные козыри. Поэтому Вохуш сначала с невозмутимым лицом выслушивает, как проректор рассказывает о работе со студентами. Он опытный, напирает на самокритичность: «мы не досмотрели», «мы упустили», но так, чтобы было ясно, что не досмотрел и упустил не он, а другие, в первую очередь ректор. Значит, Вохуш оценил обстановку в ректорате правильно, и можно наносить удар.

— Воспитательная работа со студентами,— наставительным тоном начинает Вохуш,— это не только собрания, вечера и кинофильмы, не только беседы воспитателей со студентами-иностранными. Воспитательная работа — это прежде всего создание в студенческом коллективе атмосферы нетерпимости к любому нарушению принципов коммунистической морали. И особенно мы ожидаем такой нетерпимости от советских студентов. Постановление ЦК рассматривает обучение советских студентов в университете совместно с иностранцами как важный метод оказания положительного влияния на иностранцев. А это не во всех случаях так получается, и (Вохуш повышает голос) никто не снимет с нас ответственности за такое положение вещей.

Вохуш говорит, а сам зорко наблюдает: встревожен лысым официальным тоном и политическими формулировками. Все хорошо, продолжаем!

— К нам поступают сигналы о неправильном, подчас просто неблаговидном поведении ряда советских студентов и студенток в университете имени Лумумбы. Вместо того, чтобы быть примером, блюсти честь советской девушки-комсомолки, отдельные студентки ведут себя, прямо скажу, недостойно.— И, перейдя с казенных формулировок на менее формальный тон, Вохуш восклицает:— Это же как у Энгельса в «Происхождении семьи», так и у вас — промискуитет!

— Безобразие творится, я всегда говорю! — самокритично восклицает проректор.— Райкомы комсомола посылают таких студенток, каких мы в свое время на пущечный выстрел не подпускали к вузу. Что же с ними делать: пояса целомудрия надевать, как в средние века?

Но Вохуш не принимает его шутку, а снова переходит на официальный тон:

— Возможные упущения райкомов комсомола не служат оправданием недостатков в воспитательной работе со студентами. Что же мы будем закрывать глаза на то, что в наличии нездоровые настроения среди определенной части студенчества! Не в поясах дело, а в том, что отдельные студентки университета, вместо того, чтобы стремиться к созданию хорошей советской семьи, стараются использовать свое пребывание в университете, чтобы выйти замуж за иностранца и выехать за границу.

— Зря отменили закон 1947 года о запрещении браков с иностранцами,— басит проректор.

— Закон отменен,— сухо замечает Вохуш.— Мы в ряде случаев по различным соображениям не возражали против браков между советскими студентами и студентами-иностранными из развивающихся стран. Но ЦК никогда не рассматривал университет дружбы народов как некую ярмарку советских невест.— И Вохуш завершает удар:— Вопрос серьезный, и некоторые товарищи высказываются за создание комиссии ЦК для проверки состояния воспитательной работы со студентами вашего университета — как иностранцами, так и советским.

С удовольствием замечает Вохуш тоску в наглых глазах проректора. Оба знают, что присылка проверочной комиссии ЦК ничего хорошего проректору не сулит. Теперь он запуган, и надо давать обратный ход: а то он сейчас побежит к своим дружкам и покровителям, а в действительности ведь никакой комиссии не предполагается.

— Но мы тут, Василий Степанович, думаем, что без комиссии можно обойтись,— успокоительно произносит Вохуш.— У меня сложилось мнение, что все это не вина студотдела — это результат недостаточной партийности в работе ректората.— И, переходя вдруг на «ты», доверительно говорит: — Там ведь, кроме тебя, никого же нету из аппарата; и ректор, и остальные проректоры — специалисты. А одному тебе трудно, надо, чтобы была поддержка.

Тоска в глазах проректора исчезает, но смотрят они уже не с обычной наглостью, а с благодарностью. Теперь сказать!

— Если университет обратится через министерство в Центральный Комитет с просьбой выделить человека из аппарата на должность проректора, думаю, что просьба будет удовлетворена. Тогда у тебя будет крепче поддержка в ректорате и отпадет вопрос о комиссии.

— Это правильное, партийное решение,— басит успо-

каивающийся проректор.— Это давно бы пора сделать, Денис Иванович. Я прошляпил, что не поставил этого вопроса. С парткомом я его согласую легко, а вот не станет ли возражать ректор?

— С ректором поговорим,— мягко отвечает Вохуш.— Он поймет необходимость. Зачем ему комиссия?

Вохуш знает: сейчас лысый думает, что и правда, комиссия ЦК в своих выводах не обойдет ведь ректора как ответственного за всю работу в университете.

Долго и крепко пожав Вохушу руку, проректор уходит. Конечно, верить этому пролазе нельзя, но не рискнет он бегать по знакомым и проверять слова Вохуша: не станет связываться с аппаратом ЦК, хотя и боится, конечно, как бы новый проректор его не заменил.

Теперь с ректором. Вохуш звонит по «вертушке» и снова дружественно любезен:

— Тут у меня, как вы знаете, был ваш зам. У нас с ним был серьезный разговор о некоторых недостатках в воспитательной работе его отдела со студентами. О содержании разговора он вам, видимо, сам доложит. Мы в секторе думаем, что нет надобности посыпать проверочную комиссию в университет (ректор радостно соглашается) — при условии, что Василий Степанович сосредоточится на своем отделе, а мы могли бы вам — если попросите — рекомендовать, возможно, кого-либо из наших товарищ в качестве еще одного проректора. У вас ведь вакансия есть. Если вы считаете это целесообразным, то я посоветую внести такой вопрос через министерство в Центральный Комитет. Думаю, что он будет решен положительно, и тогда вопрос о проверочной комиссии полностью отпадет.

Ректор тотчас же соглашается и тоже благодарит. А что ему еще делать?

Теперь надо идти к первому заму, подготовить почву. А то вдруг все-таки и побежит к нему лысый, а первый зам ничего не знает — и тогда скандал! Вот всегда так: больше всего надо опасаться тех, кто поработал в аппарате, своих же.

Время у Вохуша точно рассчитано: в конце рабочего дня первый зам легко доступен, сам любит в этот час поговорить с завсекторами. Денис Иванович снимает трубку «вертушки» и неторопливо, сосредоточиваясь, набирает номер Первого:

— Вохуш беспокоит вас, Иван Петрович. Разрешите зайти на пару минут?

Снова коридор и розовая ковровая дорожка. В большой приемной (хотя поменьше, чем у завотделом, — ранг не

тот) Вохуш еще раз ласково кланяется пожилой секретарше с внимательным взглядом. Вот изменилась женщина, постарела, а взгляд сохранился: в войну, молодой дивчихой, была снайпером, на ее личном боевом счету 209 фрицев. Хороший, душевный товарищ.

Первый зам сидит в глубине кабинета за своим полированым столом, под настольным стеклом распластан лист с телефонами ЦК. Энергично вскидывает голову:

— С чем пришел? — и указывает рукой на стул.

Вохуш садится — непринужденно, но с уважением. Он знает: Первый все замечает. Со слегка озабоченным видом (не переигрывать!) он начинает:

— Иван Петрович, беспокоит меня обстановка в университете дружбы народов. Вот сейчас беседовал с проректором по студработе: разболтались студенты...

— Что-нибудь политическое? — вскидывает глаза Первый.

— Да нет, Иван Петрович, быт (Первый успокаивается). Но ведь и быт — тоже политика (Первый настороживается). Так вот они там считают, что надо укрепить партийно их ректорат. Мне ректор сообщил, что они собираются входить через министерство в ЦК с просьбой выделить на вакантную должность проректора по общественным наукам кого-либо из наших сотрудников.

— А ты что сказал? — сразу спрашивает Первый.

Этого Вохуш ожидал и отвечает заранее продуманной формулировкой:

— Что я мог сказать, Иван Петрович? Сказал, что, если считают нужным, пусть входят в ЦК, вопрос будет рассмотрен.

Теперь покрыты все его разговоры с ректором и проректором: он им и в самом деле формально больше ничего не сообщил, все остальное — так, их субъективные впечатления.

— Кого же? — интересуется Первый и полуушутливо: — Ты не собой ли собрался укрепить университет?

По скандализованному выражению лица Вохуша Первый понимает, что ошибся. Тут же успокаивает встревоженного Дениса Ивановича:

— Это я шучу, тебя не отпустим (блаженное спокойствие разливается по всему существу Вохуша). Но предложение-то у тебя есть?

— Я вопрос еще не прорабатывал, — скромно говорит Вохуш. — Хотел узнать сначала ваше мнение в принципе.

— Ну, а твое мнение? — в упор спрашивает Первый.

Так, теперь надо его спровоцировать.

— Я полагаю, Иван Петрович, что можно бы в смежных с моим секторах подобрать подходящего кандидата...

Энергичный взгляд Первого становится жестче:

— Ишь какой хитрый: в смежных! А что же из своего сектора не предлагаешь? Что — у тебя подходящих людей нет?

Клюнул! Теперь сопротивляться и темнить.

— Так у меня же в секторе работы невозможно много, Иван Петрович, не могу же я еще отдавать людей!

Первый едко:

— А другие могут? Рекомендуй из своего сектора — я поддержу.

Теперь выкладывать карты.

— Да ведь проректор университета — место докторское, а у меня среди сотрудников сектора только один доктор наук — Шабанов. Не его же отдавать!

— А почему не его? Конечно Шабанов — парень способный. Но ведь и там нужны способные. Проректор — значит, получит звание профессора. Университет важный: гляди, в члены-корреспонденты Академии наук выйдет. Как придет бумага из министерства в ЦК, побеседуй с ним — и направим.

— Да вы же меня без ножа режете, Иван Петрович! — взывает с возможно более достоверным унынием в голосе Выхуш.— Шабанова отдам, а кто вместо него?

— Подыщешь,— успокаивает Первый и, пока Выхуш с убитым видом качает головой, говорит: — Так, это дело заметано. Еще у тебя что?

— Больше ничего, Иван Петрович,— уныло тянет Выхуш, вставая.

И вдруг Первый осклабляется:

— А легко ты отдаешь Шабанова. Что у тебя с ним?

Вот уж этого не ожидал Выхуш. Опять взывает:

— Помилуйте, Иван Петрович! Я прошу его оставить, а вы говорите, будто я же его предлагаю в проректоры...

Первый все ухмыляется:

— Нет, ты мне его не предложил. Но, в общем, я согласен.— И наставительно: — Мне важен не товарищ Шабанов лично, а четкая, слаженная работа сектора. За сектор отвечаешь ты. Я не возражаю, чтобы ты и решал, с кем тебе лучше работать. Ясно?

Выхуш идет по коридору, а на душе кошки скребут. Ну нельзя хитрить с Первым! Видит все насквозь. Да иначе и не стал бы первым замом. А уж те, кто в Политбюро или в

Секретариат ЦК выбрался,— вообще гении. Интеллигентики болтают: тот в Политбюро глуп, другой дурак. А на самом деле они сами дураки и молокососы: в лучшем случае просидят эти философы до пенсии на своих нынешних должностях. Нет, в Политбюро — гении.

Гении-то гении, а тоже бывает — зазнаются и дают осечку. Ну кто мог подумать, что Маленков — столько лет до того, как циркач, ходивший по канату и все поднимавшийся вверх,— не просидит у власти двух лет! Или Берия — десятилетиями полз к власти, по трупам полз, а когда уже была почти в руках, четырех месяцев не продержался. Да тот же Хрущев! Ну он, правда, был несолидный, его еще Сталин осаживал: из Москвы отоспал на Украину, даже там смещал с поста первого секретаря — агрогорода дурацкие раскритиковал. Конечно, Хрущев отплатил Сталину — да посмертно, при жизни-то никто не решался.

Сталин — вот кто был действительно великим человеком. Ну и Ленин, разумеется: но ведь ему по-настоящему властвовать не довелось, только гражданскую войну выиграл, и начался паралич. А Сталин — тот знал, что такое власть.

...Кончается рабочий день. Еще пройдет Вохуш по своему сектору (сотрудники сидят по двое в комнате, у каждого собственный телефон — и внутренний, и внешний), поговорит коротко о делах на завтрашний день. Но настроение у всех уже — ехать домой, да и сам Вохуш думает об этом не без удовольствия. После окончания рабочего дня он еще посидит минут 20. Вечерних бдений теперь нет, но нехорошо, если руководство заметит, что он уходит одновременно с рядовыми сотрудниками. Однако звонков нет, начальство его не требует — и Денис Иванович вызывает машину.

Она придет быстро — автобаза ЦК рядом, так что можно уже надевать шелковистое дюссельдорфское пальто и неторопливо, но уверенно, как и подобает ответственному сотруднику ЦК, идти к выходу. Блекло-розовые дорожки на натертом паркете, солидная лестница, просторный гулкий вестибюль. Сотрудники все еще выходят, но главная толпа уже прошла. Офицер КГБ вежливо, но внимательно проверяет его бордовую кожаную книжку.

Снаружи — темнота, ветер, снег идет. Но перед зданием ЦК не скользко: лед тщательно счищается острыми лопатками дворников, а для верности тротуар посыпаетсярыжим песком, а то вдруг поскользнется, сядясь в машину, секретарь ЦК!

Вот и черная «Волга». И снова плывет она по шуршащему скрипящему московскому снежку. Опять памятник героям Плевны, слева тянется Политехнический музей, справа — ЦК комсомола, потом два сросшихся здания на площади Дзержинского: КГБ и МВД — Лубянка. А там — вниз, по широкому проспекту. И мелькают магазин «Детский мир», угол Малого театра, колонны Большого театра, станция метро, Дом союзов, здание Совета Министров СССР. На мгновение блеснут огни улицы Горького — и пошли: отель «Националь», дом «Интуриста» (бывшее американское посольство), старое здание Московского университета. А слева все будет тянуться Кремль, лишь на время прикрытый от взгляда Манежем...

Вохушу и с водителем говорить не хочется: перекинулся парой замечаний о погоде да о снеге — и задумался.

Вот он сейчас катит по Москве, а она бредет где-то по вечерней Праге. Огни горят на Вацлавской площади, бьют часы на Старой Ратуше. Да что он вспоминает ее — не загорелые ляжки инструкторши из Воронежа, а ее? Все потому, что задело, как она тогда на него смотрела. Ну, Денис, скажи себе правду: с омерзением смотрела, как на гадкое животное. А еще — с бессилием. И с плохо удававшейся попыткой скрыть это омерзение, чтобы он не разозлился и не обманул, чтобы устроил ей выезд.

Э, да что там вспоминать! Подумаешь, принцесса — стажерская жена! Гордиться должна, что заинтересовалася ею заведующий сектором ЦК.

А с бессилием этим часто на него люди смотрят. И мать, которая кричала: «Убийцы!»; и разные просители; и те, кого он прорабатывал; и те, кого из партии исключал, — разные люди.

И хорошо, что смотрят с бессилием. Вот пару недель назад он видел отвратительный сон. Как будто он в здании ЦК, а оно вдруг пустое. Он спускается в вестибюль — а там нет охраны! Его охватил ужас: ведь сюда сейчас войдут люди с улицы, из города! И вдруг они стали входить. Он с независимым видом подошел к лифту, но общий лифт был наверху, а секретарский, как всегда, заперт. Между тем людей из города набралось много, они молчали и только смотрели на него. Вот так же, как она, с тем же омерзением: как на вошь, как на паразита. Но только не было в их взгляде бессилия, а была сила. И он тогда в страхе проснулся с сердцебиением и долго не мог успокоиться.

Так и надо: пусть у них будет бессилие, а у нас — сила.

И думать надо совсем не об этом, а о приятном. Вот сейчас он приедет домой, жена уже подготовила отличный ужин: семга, икра, хороший сыр, жаркое, ананасы. Выпьет армянского коньячку: всякую эту болгарскую «Плиску» или арабский коньяк Вохуш не любит, только армянский; ну еще грузинский, и конечно, французский. С детьми поговорит, немного — с женой.

Можно бы, конечно, куда-нибудь пойти, культурно отдохнуть. Как завсектором ЦК, он может поехать на любой закрытый просмотр кинофильмов: в Министерство культуры, в Дом кино. Хорошая была идея — организовать эти просмотры. Фильмы — самые разные, из разных стран. Конечно, если чисто юридически посмотреть, то фильмы краденые — это нелегально сделанные копии лент, которые Комитет по кинематографии берет у иностранных кинофирм, якобы чтобы решить вопрос об их покупке, а потом не покупает. Но, с другой стороны, смешно было бы платить валюту этим капиталистам, когда фильмы все равно по идеологическим соображениям в массовый прокат пустить нельзя. А для руководящих работников делается несколько копий — что же в этом такого? Приятно бывает на этих просмотрах: сидят все свои, номенклатурные работники, ну еще деятели искусства, творческая интеллигенция. Людей из города нет. Но сегодня он туда не пойдет.

Кстати, и в ЦК раз в неделю — по четвергам — показывают заграничные кинофильмы, которые не выйдут на экран для широкого зрителя. Только на эти просмотры он и не заглядывает — это, как и вечерний буфет, больше для машинисток и секретарш, ему было бы даже и неудобно туда идти.

Можно, конечно, поужинать и отправиться с женой в театр. Билеты стоят пустяк: в Большой театр на лучшие места — три с полтиной, в других театрах — еще того дешевле. Ясно, в открытую продажу на эти места они не поступают. Поэтому тоже приятно: получишь по «броне» ЦК места в первом или втором ряду и сидишь опять среди своих, ну и там иностранные послы — это тоже не без приятности: чувствуешь свое положение в обществе.

Но и в театры, и на концерты Вохуша не тянет. Да и сыт он ими до отвала: по долгу службы бывает на спектаклях и концертах после всяких торжественных заседаний и конференций или с иностранными делегациями. Нет, никуда он сегодня не пойдет, будет отдыхать и на досуге продумывать: как дать ход своему продвижению

в замзавы. А в 10 часов — спать: без крепкого здоровья нет и продвижения.

Плыяя в бесшумном лифте наверх, к своей квартире, и уже расстегивая ворсисто-шелковистое пальто, Денис Иванович по привычке коротко подводит итоги прошедшего дня. День, в общем, был удачный, ничем не омраченный, почти счастливый: ликвидировал опасность скандала с голосованием решения о делегации, не поддался на искушение поездки в Италию, ловко удалил нежелательных лиц из списка советско-болгарской комиссии, снял сомнительных авторов из издательского плана, заставил университет дружбы народов просить о назначении проректора из аппарата и получил согласие Первого на то, чтобы направить туда Шабанова. Если бы каждый день удавалось сделать столько полезных дел!

...Вот за этот-то день Денис Иванович и получил в 10 раз больше, чем рядовой советский труженик.

*

Паразитирующий правящий класс. Козельск, Москва... и так по всей стране.

Процитируем в последний раз в этой книге одно из последних стихотворений Галича:

Над блочно-панельной Россией
Как лагерный номер — луна.
Обкомы, горкомы, райкомы
В потеках снегов и дождей.
В их окнах, как бельма трахомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.
В их залах прокуренных — волки
Пинают людей, как собак.
А после те самые волки
Усядутся в черные «Волги»,
Закурят вирджинский табак.
И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРА
Следить, чтоб никто не следил ⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 397.

2. См. И. А. Курганов. Нации СССР и русский вопрос. Франкфурт-на-Майне, 1961, с. 30—31.

3. «Дружба народов» № 9, 1989.